

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс
Ф82 Наваждения/Макс Фрай — Москва : АСТ, 2020. —
384 с. — (Лабиринты Ехо)

ISBN 978-5-17-121568-2

Наваждения, согласно классификации, предложенной почтенным Тинки Лйохти, бывают восемнадцати степеней достоверности. Наваждения первой степени достоверности знакомы всем — лицо покойного друга, мелькнувшее в конце улицы, тень в форме фантастической химеры — померещилось на миг, и сразу прошло. С наваждением восемнадцатой степени достоверности, можно прожить бок о бок всю жизнь и не догадаться о его нечеловеческой природе. Но о классификации наваждений в этой книге не сказано ни слова. Зато здесь много рассказано о самих наваждениях — древних чудовищах из далёких морей, шкатулках, дарящих вечное блаженство и зачарованных городах, иногда возникающих в пустыне перед утомлёнными путниками.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-121568-2

© Макс Фрай, текст, 2020
© Ольга Закис, обложка, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЗЕЛЕНЬЕ ВОДЫ
ИШМЫ

На рассвете я вошел в темную спальню Теххи и оцепенел от ужаса: из лиловых утренних сумерек на меня уставились пустые светлые глаза какого-то незнакомого существа.

Это было по меньшей мере странно. В последнее время я привык чувствовать опасность задолго до ее появления. Кроме того, я уже начинал понемногу забывать, что такое обычный человеческий страх. С тех пор как в моей груди увяз невидимый меч Короля Мёнина, между мной и остальным миром выросла призрачная, но непроницаемая стена, что-то вроде новокаиновой блокады для эмоций. Сейчас я запоздало понял, что это было скорее приятно, чем нет. Пока не потеряешь, не оценишь, вечно так.

Пока я силился справиться с нахлынувшим на меня потоком сумбурных переживаний, левая рука непроизвольно дернулась, словно ее свела судорога. Крошечный шарик яркого зеленого света сорвался с кончиков моих пальцев, устремился к искажившемуся от гнева лицу незнакомца, а потом остановился, вздрогнул, стал большим и прозрачным, как мыльный пузырь, и наконец исчез. Судя по поведению моего Смертного Шара, испугавший меня незнакомец был не живым существом, а одним из предметов домашней обстановки. Ну и дела!

— Что происходит, Макс? — насмешливо спросила заспанная Теххи. — Ты наконец-то получил приказ со мной

расправиться? Какой ты, оказывается, дисциплинированный, с ума сойти можно.

— Здесь чужой, — объяснил я.

— Чужой?! Где? Ах, вот оно что. Дырку в небе над твоей лохматой головой! — Теххи неудержимо расхохоталась. — Прекрати сражаться с моим новым зеркалом, сэр Макс. Знаешь, сколько оно стоит?

— Ты хочешь сказать...

Я ошеломленно посмотрел на жуткого белоглазого незнакомца, наступавшего на меня из темноты. Теперь он выглядел совсем юным и ужасно растерянным. Действительно, мое собственное отражение, будь оно неладно.

Я опустил на пол и рассмеялся от неопишуемого облегчения. Мне действительно было смешно. И еще ужасно стыдно. Таких идиотских номеров я не откалывал даже в самом начале своей карьеры Тайного Сыщика. Ну, разве что давным-давно, когда был не «грозным сэром Максом» из Echo, а просто Максом — немного эксцентричным бездельником с вечной ироничной улыбочкой на сумрачной физиономии, чуть-чуть поэтом, чуть-чуть одержимым, но в общем-то вполне заурядным человеческим существом — впрочем, достаточно удачливым, чтобы улизнуть из того мира, где родился, уйти оттуда «по-английски», не прощаясь, но и не хлопая дверью.

Стоп. Куда это меня занесло?

Теххи выбралась из-под одеяла и уселась рядом. Обняла меня за плечи, печально покачала головой.

— Что, увидел себя и испугался? Ничего, так бывает. И чем я только думала, когда решила повесить зеркало напротив входа?

— А зачем тебе вообще понадобилось это грешное зеркало? — спросил я. — До сих пор у тебя в доме не было никаких зеркал, и я уже привык причесываться на ощупь. Если, конечно, примитивную процедуру, которую я ежедневно проделываю с головой, можно назвать причесыванием.

— Ну вот, раньше не было, а теперь есть, — туманно объяснила Теххи. — Должно же что-то меняться в моей жизни.

— Должно, — согласился я. — Слушай, неужели я действительно так жутко выгляжу? Эти белые глаза, перекошенный рот...

— Ну почему жутко? — улыбнулась она. — Ты выглядишь замечательно, красавчик! Лучше просто не бывает. А что касается цвета твоих глаз — они же постоянно меняются, ты и сам знаешь. Просто тебе посчастливилось увидеть себя не в самый подходящий момент. Ничего, Макс, они уже пожелтели. Теперь ты похож на растрепанного буривуха, сам посмотри!

Я сердито покосился на свое отражение и не смог сдержать смешок.

— Если бы тебя слышал наш Куруш, он бы, пожалуй, обиделся. Все-таки буривухи гораздо симпатичнее. И потом, у меня нет клюва.

— Клюв — дело наживное — Теххи легкомысленно махнула рукой. — Знаешь, сэр Макс, у меня есть отличное предложение: почему бы тебе не забраться под одеяло? В это время суток ты будешь выглядеть там гораздо уместнее, чем на полу.

— Твоя правда.

Надо отдать мне должное, со мной по-прежнему очень легко договориться.

Когда я все-таки задремал, мертвой хваткой вцепившись в тоненькую руку Теххи, в спальне уже было светло — насколько может быть светло пасмурным осенним утром в комнате с занавешенными окнами.

Через несколько минут Теххи решила, что меня больше нет в этом прекрасном Мире, и отобрала лапку. Это было довольно грустно, но справедливо: всякая рука должна принадлежать своему владельцу. Поэтому я сделал вид, что плевать хотел на эту невосполнимую утрату и вообще сплю.

Теххи выскользнула из спальни бесшумно, как хорошо воспитанное привидение. Я лениво подумал, что, наверное, так же бесшумно передвигаются по коридорам своего фамильного замка ее братишки-призраки. А потом вспомнил, что уже давненько не видел их отца, своего доброго приятеля

Лойсо Пондохву. Откладывал визит, словно в моем распоряжении имелась вечность, аккуратно упакованная в гляцевую бумагу, перевязанная красной лентой и снабженная поздравительной карточкой с надписью: «Великолепному сэру Максусу, в собственные руки».

Разумеется, никакой вечности в моем распоряжении не было. Зато имелась дурацкая привычка транжирить время так, будто оно действительно принадлежит мне.

Обдумав все это перед тем, как нырнуть обратно, в сладкую темноту сна, я решительно пробормотал себе под нос: «Хочу увидеть Лойсо». Этого нехитрого ритуала с некоторых пор вполне достаточно, чтобы не просто заснуть, а отправиться на свидание с человеком, чьим именем в Ехо до сих пор пугают не только детей, но и младших Магистров Ордена Семилестника, благостного и единственного.

Я уже привык к однообразному пейзажу знойного мира, пленником которого стал сэр Лойсо Пондохва. Даже невыносимая жара, царящая в этом месте, сегодня не причиняла мне почти никаких неудобств.

Я неспешно поднимался по крутому склону холма. Бледная сухая трава шелестела под сапогами, горячий ветер с энтузиазмом набросился на мои отросшие патлы, и без того изрядно растрепанные. Путь был долг; поднявшись на вершину, я пыхтел, как старый паровоз, давным-давно нуждающийся в ремонте. Этому негостеприимному знойному миру в очередной раз удалось довести меня до ручки. Что ж, не следует считать себя неуязвимым, будет мне впредь наука.

— Редкий гость. Ну, по крайней мере, это лучше, чем незванный.

Лойсо Пондохва поднялся на вершину холма по противоположному склону, почти одновременно со мной, и насмешливо посмотрел на мою взмокшую физиономию. Сам-то он был в полном порядке. Лицо оставалось бледным, дыхание ровным, светлые волосы, закрывающие лоб, — сухими. Даже просторная рубаха без ворота сохраняла безупречную белизну, словно в мое отсутствие ссыльный Великий Магистр

Ордена Водяной Вороны посвящал свой досуг исключительно визитам в прачечную. Одним словом, Лойсо был в отличной форме, как всегда.

— Этот ваш холм когда-нибудь меня доканает, — проворчал я, усаживаясь на растрескавшуюся сухую землю рядом с сияющей янтарно-желтой глыбой, на которой удобно устроился Лойсо.

— При чем тут холм? Ты сам себя доканаешь, дружок, без посторонней помощи. Твое дыхание не может оставаться легким в этом месте, потому что ты слишком много вешишь. По крайней мере, гораздо больше, чем я.

— Вы уверены? — недоверчиво усмехнулся я.

Сэр Лойсо, конечно, не борец сумо и даже не тяжелоатлет. Но все же на его фоне мои руки выглядят тонкими и беззащитными, как у какой-нибудь девчонки. Рядом с ним я начинаю казаться себе оголодавшим подростком: он худ, но, в отличие от меня, широк в кости и — это видно невооруженным глазом — очень силен.

— Иногда ты рассуждаешь столь прямолинейно, что это можно принять за тонко продуманное издевательство над собеседником, — рассмеялся Лойсо. — При чем тут вес твоего драгоценного тела? Я говорю о другом.

— О чем?

— Что ж, могу объяснить, — Лойсо лукаво взглянул на меня и укоризненно покачал головой. — У тебя слишком много имущества. Когда ты поднимаешься на мой холм, ты волочешь за собой не только свои немногочисленные килограммы. К твоим ногам железной цепью прикован целый мир — твоя личная Вселенная, над созданием которой ты отлично потрудились. Твое любимое кресло в Доме у Моста, и твой ненаглядный шеф, этот хитрющий Кеттариец, и остальные люди, без которых ты уже не можешь обойтись. По большому счету, они действительно являются самой драгоценной частью твоего неподъемного багажа и в то же время самой тяжелой. А еще твои многочисленные квартиры, ни в одной из которых ты толком не смог обжиться, сумасшедшая езда на амобилере,

предмет твоей смешной, но вполне понятной мне гордости, простодушные кочевники, которые зовут тебя царем. И царская резиденция, где ты почти не появляешься, трон, на котором ты не сидишь, слуги, которым не отдаешь приказов, жены, с которыми ты не спишь, — не правда ли, отличный набор? А еще у тебя имеется любимая собака и две здоровенные мохнатые зверюги, которых ты по привычке называешь котятками. И воспоминания о не слишком счастливой жизни в Мире, где ты родился. И другие воспоминания, о куда более удивительных приключениях. В том числе завалившийся на дне одного из твоих многочисленных карманов зеленый камешек старого шерифа Махи Аинти, ключ, открывающий дверь в новенький Мир, который еще даже не успел толком родиться. И бесконечное могущество Вершителя, не слишком понятное и приятное тебе самому. Твоя ядовитая слюна и Смертные Шары, которые могут не только убивать, но и подчинять себе тех, кому не посчастливилось оказаться на твоём пути — даже мертвых! И Мантия Смерти, которую тебе все больше нравится носить. А ведь еще есть женщина, рядом с которой ты любишь засыпать. И другая, кому ты помог сломя голову нырнуть в неизвестность, а теперь ежедневно возносишь хвалу небу за то, что в этом Мире существует Безмолвная речь, поскольку и дня прожить не можешь без беседы с леди Меламори — тебе мало? Я могу еще полгода оглашать перечень твоего личного имущества, не умолкая ни на минуту. Тебе кажется, что все эти вещи делают твою жизнь восхитительной. Оно так, но ты вынужден волочь их за собой, когда поднимаешься на мой холм. Какое уж там легкое дыхание!

— Красивая телега. Но такого рода имущество наверняка имеется и у вас, — растерянно возразил я. — По крайней мере, могущество и воспоминания все еще с вами.

— Так было когда-то, — усмехнулся Лойсо. — Но я уже давно отказался от желания считать их своими. Все мое имущество при мне: имя, штаны, рубаха и сапоги — без них я действительно чувствую себя довольно неудобно. Но они не слишком мешают. Смотри!

Лойсо легко поднялся с камня, на котором сидел. Миг спустя он вихрем взмыл в небо и исчез, словно не было никогда никакого Лойсо Пондохвы, Великого Магистра Ордена Водяной Вороны, пленника сэра Джуффина Халли и этого жаркого пустынного места.

— Но в таком случае почему вы просто не удерете отсюда, Лойсо? — спросил я, задрав голову к пустому белобрысому небу. — Если уж у вас так хорошо получается? Почему бы этому ветру не унести вас на дальнюю окраину Коридора между Мирами и дальше, куда вам заблагорассудится?

— Потому что я слишком серьезно влип. — Горький смешок раздался у самого моего уха. — Твой драгоценный Кеттариец — очень хороший колдун. Что он действительно умеет делать, так это закрывать двери. Особенно Двери между Мирами, надо отдать ему должное. Зато ты умеешь открывать любые двери, сэр Тяжеловес. Ты еще сам удивишься, когда узнаешь, как легко тебе это удастся. Я уже говорил тебе, что больше всего на свете ты любишь выпускать птичек из клеток? Поэтому мне остается только одно — подождать того замечательного момента, когда ты решишь заняться взломом моей клетки — просто так, от нечего делать.

Его вкрадчивый горячий шепот внезапно умолк. Я поднял глаза и увидел, что Лойсо опять сидит на своем желтом камне. Голова опущена, руки неподвижно замерли на коленях, словно бы и не улетал никуда стремительным легким вихрем.

— Иногда меня заносит, Макс. Не обращай внимания, — наконец сказал Лойсо.

Он обезоруживающе улыбнулся. Его улыбка здорово напоминала мою собственную, но, в отличие от моего настоящего отражения в зеркале, так напугавшего меня этим утром, лицо Лойсо успокаивало, умиротворяло, даже убаюкивало. Самая сокрушительная разновидность обаяния, что правда, то правда.

— Мне даже понравилось, — сказал я. — Из вас получился такой хороший ветер. А что касается всего остального...

Вы дали мне прекрасный совет, которым я никогда не сумею воспользоваться, только и всего.

— Сможешь, — флегматично возразил Лойсо. — Просто для этого тебе придется влипнуть в какую-нибудь совсем уж скверную переделку. Ты представить себе не можешь, на что способен человек, который наконец-то понял, что у него нет иного выхода. Между прочим, тебе пора возвращаться домой, сэр Вершител. Если ты посидишь здесь еще немного, тебе опять станет жарко, ты проснешься полуживым, а потом скажешь себе, что во всем виноват злодей Лойсо, и не решишься навестить меня до Последнего Дня года. Или еще дольше, знаю я тебя.

Я послушно поднялся и начал спускаться по пологому склону холма, благо уже успел уяснить, что если сэр Лойсо Пондохва начинает командовать, лучше делать так, как он говорит, — дешевле обойдется.

Одолев половину пути, я все-таки упал и покатился вниз, стараясь защитить лицо от колючих стеблей сухой травы. Мой собственный горький опыт свидетельствует, что царапины, заработанные в этом сновидении, останутся при мне и после пробуждения. А объясняться спросонок с проницательной Теххи... Нет уж, увольте!

Падение мое завершилось как обычно: я проснулся под теплым меховым одеялом и с удовольствием обнаружил, что, пока я спал, в обитаемом мире произошло множество перемен, одна другой приятней. На небе появилось солнце, а на краю постели — Теххи, да еще и с маленьким подносом. Камру в постель мне подают редко, можно сказать, никогда. Но такой уж, видать, сегодня выдался замечательный день.

— Хорошо, что ты сам проснулся, — обрадовалась она. — Ненавижу будить людей. Особенно если они так мило улыбаются во сне.

— Ничего, теперь я буду мило улыбаться наяву, — пообещал я. — А зачем ты собиралась меня будить? Неужели так соскучилась?

— Да нет, не то чтобы, — насмешливо протянула она. — Просто внизу сидит сэр Мелифаро. И плачет.

— Ты его обидела? — обрадовался я.

— Нет, что ты. Его обидел сэр Джуффин. Этот злодей велел бедняге доставить тебя в Дом у Моста. У вас там, если я правильно поняла, что-то стряслось. Поэтому сэр Мелифаро заявился в мой трактир, выпил все, что под руку подвернулось, и угробил чуть ли не полчаса своей единственной и неповторимой жизни, чтобы уговорить меня подняться в спальню и совершить порученный ему подвиг. Говорит, после того как ты в его присутствии отдал приказ об уничтожении племени манухов, он окончательно понял, с каким чудовищем имеет дело. И теперь ни за что не решится будить тебя самостоятельно. Он, дескать, великий герой, но не настолько.

— Какой же он молодец, — нежно сказал я. — Как он все славно организовал! Проснуться в твоём обществе... и в обществе этого маленького симпатичного кувшинчика с камрой — гораздо лучше, чем обнаружить в постели сапог сэра Мелифаро. А кстати, что у них там случилось?

— Понятия не имею, — Теххи пожала плечами. — Нужны мне ваши тайны. У меня своих, хвала Магистрам, хватает.

— Правда? — спросил я, с удовольствием делая первый, самый вкусный, глоток ароматного горячего напитка. — Нет, так не годится. У жителей Ехо не должно быть никаких секретов от Тайного Сыска. А ну выкладывай все свои тайны!

— С какой начинать?

— С самой страшной.

Я скорчил грозную рожу, каковую, теоретически, положено иметь вместо нормального человеческого лица всякому уважающему себя Тайному Сыщику, приступающему к допросу очередного злодея.

— А, ну это просто, — улыбнулась Теххи. — Ты и есть моя самая страшная тайна. Страшнее не придумаешь.

Она быстро поцеловала меня, вскочила, рассмеялась и опрометью бросилась к лестнице. Мгновение спустя ее уже не было в спальне. Не женщина — морок. Сладостный, впрочем, морок.